26 ЯНВАРЯ 2020г. — №117

ГОРКИ ПРАВОСЛАВНЫЕ

«Путь христианский – путь мученический. Христианин всегда мученик, всегда крестоносец. Отказ от мученического пути – это всегда есть отречение от Христа.».

(Протоиерей Валентин Свенцицкий)

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ МОСКОВСКАЯ ЕПАРХИЯ
ВИДНОВСКОЕ БЛАГОЧИНИЕ ХРАМ ПЕРВОСВЯТИТЕЛЕЙ МОСКОВСКИХ

ГРЕХ И СВОБОДА

(Священник Николай Людовикос / Источник: Православие.ru)

Освободившись же от греха, вы стали рабами праведности. Говорю по рассуждению человеческому, ради немощи плоти вашей (Рим. 6: 18–19).

Почему святой апостол Павел говорит это? Потому что обычно мы путаем понятия греха, свободы и праведности. Грех обычно понимается нами как свобода. И плохо, если это не так. Плохо, если человек не свободен грешить в своей жизни. Потому что тогда он начнет думать, будто грех и есть свобода. Поэтому у нас должна быть свобода грешить, и мы должны предоставлять ее и другим.

Сам Бог предоставляет нам свободу грешить. Евангелие полно призывов вроде «кто хочет последовать Мне», «если кто хочет» (Мк. 8: 34; Мф. 16: 24). Свобода – это первостепенный элемент, на который ссылается Бог, потому что свобода – это Его образ в нас и духовной жизни не существует без свободы.

Некоторые наивно спрашивают: «Если Бог знал, что человек падет, зачем же Он его создавал?» Зачем создавал? Чтобы он был свободным, чтобы он был Его образом! Бог радуется свободе человека больше всего и ничего в нем не любит больше свободы. Он никогда не нарушает свободу человека. Бог потому именно и любит, что Он свободен, и поэтому ждет и от человека, чтобы он тоже возлюбил Его как свободный. Потому что любить может только свободный.

Если ты боишься Бога, и чего-то еще, и еще чего-то – это уже состояние раба, говорят отцы. Это состояние не счастливое, а такое, от которого человеку хочется избавиться.

– Позволь мне совершить мой грех! – сказал мне как-то один человек.

Он видел, что я священник. А мы, священники, мешаем людям грешить одним своим присутствием. Я тогда сидел на приеме с официальными лицами, и этот человек, неравнодушный к вину, сказал мне:

– Отче, позволь мне совершить мой грех!

Всё, что мы делаем в Церкви, совершается в синергии с Богом, то есть Бог говорит – и я говорю, Бог действует – и я содействую, само по себе ничего не делается. Это значит, что мы свободны. Духовная жизнь – это свобода, творчество, красота и еще раз свобода. А это значит, что я всегда могу совершить грех. У меня есть свобода грешить. Сказать «нет» Богу. Евангелие полно людей, сказавших Богу «нет». А потом они говорят огромное «да!», потому что уже прошли через свое «нет».

Наше право – стать Замбией и Мозамбиком. Это, конечно же, наше право! Наше право! Понимаете? Наше право идти от плохого к худшему. И это очень важно.

Нам надо понять, что у человека есть право (то есть свобода) совершить грех. Извините, что я столько раз подчеркиваю это. Но нет ничего хуже, чем думать, будто священники – это прокуроры, а Церковь – судилище, где мало того, что ты столько всего несешь по жизни, но ты еще и должен заплатить!

Заплатить? Да, ты заплатишь, но только не из-за того, что Церковь будто бы – судилище и Бог тебя судит, а потому, что ты направился в сторону к Мозамбику, например. Приходишь туда, а там – Мозамбик!

Ты платишь и идешь куда хочешь. Потому что там есть то, чего ты хочешь. А не потому, чтобы Бог захотел, чтобы ты там побывал, и тем самым тебя наказывает. Бог не наказывает. Давайте будем точнее: не наказывает в том смысле, в каком наказываем мы. Мы себя наказываем сами, сами создаем себе проблемы и, что трагично, доходим до того, что начинаем считать грех свободой. И всё это потому, что никто не сказал нам о грехе и праведности чего-то другого.

У апостола здесь потому и сказано «говорю по-человечески», что вы сами не понимаете, что с вами происходит:

– Вы стали рабами праведности. Говорю вам это по-человечески, имея в виду вашу немощь, потому что вы понимаете это состояние как рабство, тогда как оно на самом деле не рабство.

И дальше сразу же объясняет, почему это не рабство.

Иногда со стороны взрослых, Церкви, семьи на детей оказывается давление, и они вырастают с таким чувством, что они вынуждены делать то, чего не понимают. Но если ты чего-то не любишь, ты это бросишь, и если чего-то не понимаешь, ты это уже ненавидишь, а возненавидев что-то хорошее, ты захочешь греха. Иногда бывает лучше, чтобы человек что-нибудь бросил и заново открыл это для себя потом, когда оно станет для него важным. Как блудный сын, который в какой-то момент оказался далеко от своего отца и имел полное право на это. Отец, однако, не побежал за ним: «Иди сюда, окаянное создание! Бог тебя накажет, диавол сожжет, огонь Божий прольется на тебя, гром разразит!» Но:

– Отдай мне имущество, полагающееся мне.

– Забирай и уходи!

Без лишних слов, без всякого обсуждения: ни о каком разговоре тут не упоминается. Это огромное уважение Бога к человеку – потому что Бог любит его, а кто любит, тот всегда уважает любимого. Если мы не уважаем кого-то, значит, мы его не любим. Бог, однако, любит человека – и уважает, потому что любит.

Блудный сын ушел, а потом понял, что нуждается в отце, и решил: «Вернусь-ка я домой!» Он не то чтобы вдруг полюбил его, просто ему не хватало тепла и защиты. И вот он возвращается, но отец не говорит: «А, ты только сейчас возвращаешься назад? Сейчас, когда весь вымарался, возвращаешься?» Он не говорит ему ничего подобного. И это странно. А почему не говорит? Потому что он уважает его свободу в данный момент. Свободу грешить, которая у него есть.

У Бога, однако, имеется свобода любить этого пропащего человека и оказать ему Свою любовь именно сейчас, когда он пал. Понимаете? Это нрав Бога, а наш нрав обычно не таков.

Как предавали вы члены ваши в рабы нечистоте и беззаконию на дела беззаконные, так ныне представьте члены ваши в рабы праведности на дела святые (Рим. 6: 19).

Рабы нечистоте и беззаконию, потому что грех всегда ласкает определенные члены падшего человека. Грех легок, но избавиться от него тяжело, потому что он тебя ласкает, ласкает то, что в тебе пало. Это доставляет тебе наслаждение. Хотя при этом ты понимаешь, что он всё сильнее затягивает тебя на дно.

Вчера я читал текст одного французского писателя, который признается, что был «великим» покорителем женских сердец. Я читал его текст, направленный против женщин, ужасающий текст. Он их ненавидел, потому что они его притягивали. Ненавидел сам факт, что привязался к ним. И писал о них много плохого. И кто? Крупный писатель своей эпохи. Видите, как это страшно? Вот это – рабство. Он писал: «Какое счастье было бы, если бы женщин не было!» Он пользовался огромным успехом у женщин, но парадоксальным образом смотрел на это как на рабство.

С другой стороны, мы не видели, чтобы кто-нибудь из святых сказал: «О, какая великая милость свыше! Боже мой, Ты поработил меня! Ты поработил меня Своей благодатью! Поработил Своими чудесами! – и говорил бы Ему: – Оставь меня, я больше не могу!» А писатель говорил: «Я их больше не переношу!» Странное дело: «Хочу быть всегда с вами – и больше вас не переношу!»

Бог не порабощает. Апостол говорит здесь о рабах с иронией ради вашей немощи. Существует свобода, которой вы не знаете, – это свобода Божией праведности.

Ибо, когда вы были рабами греха, тогда были свободны от праведности. Какой же плод вы имели тогда? (см.: Рим. 6: 18–19).

Какой плод вы имели? А что вы помните из всего этого? Что хорошего помните и что у вас осталось? Ничего. Всё это напоминает смерть. Вы чувствуете, будто вкусили смерти и тления. Когда человек, говорит нам психология, чрезмерно услаждает себя, он начинает сильнее испытывать страх перед смертью и разрушением. Абсолютное наслаждение несет в себе боль, и поэтому в нас существует большая проблема. Плод, остающийся в нас после всего этого пути, выглядит прямо противоположно тому, что мы ожидали. Не полнота, а жуткая пустота. Мы чувствуем себя опустошенными. Почему? Потому что душа человека по-настоящему наполняется только тем, что гораздо выше и прекрасней этой внутренней разрухи.

Но ныне, когда вы освободились от греха и стали рабами Богу, плод ваш есть святость, а конец – жизнь вечная (Рим. 6: 22).

Освящение – это состояние, когда в нас всё идет хорошо. Мы говорим Богу, и Он отвечает. Мы видим это в своей жизни: то, что нас раздражало годами, исчезает. Душевные и телесные болезни отступают. Это состояние, когда мы можем с легкостью прощать и понимать других. Это состояние умиротворения.

Вспомните плоды Духа Святого: *любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание* (Гал. 5: 22–23); весь этот внутренний покой и глубина – это плод Святого Духа. Человек никогда не доходит до зависимости в этих вещах. Когда они есть, он никогда не скажет: «О, если бы у меня их не было! Но только им конца и края не видно». Это великие дары. Нет никого, кто был бы радостным, спокойным, счастливым и сказал бы: «Я больше не хочу быть счастливым! Я больше не могу быть спокойным!» – а всегда говорит: «Как это хорошо! Какой это дар! Как мне его удержать?» Это освящение.

Освящение – это состояние, когда человек начинает входить в симфонию (созвучие) с Богом. Один говорит, другой отвечает, это как песня, которую поют дуэтом. Как мы поем на первый и второй голос – двое поют одно. Это освящение, и это состояние не заканчивается здесь, но есть еще и жизнь вечная. Тебе и здесь хорошо, а еще тебя ждет жизнь вечная. Как и в противоположном случае: тебе и здесь плохо, и будущее неясно, как будущее сегодняшней Греции.

В первом случае вы видите, как прекрасно устраивает всё Бог. А во втором случае, как говорил один старец, люди и без того из кожи вон лезут, да к тому же еще и наказываются.

Бог предоставляет тебе свободу делать что хочешь, потому что только так ты можешь понять эти великие истины, в противном же случае – насильно – ты их никогда не сможешь понять. Никто не может рассечь тебе голову и вложить в нее спасение, как хотел сделать это Троцкий. Так пишет о Троцком Казандзакис[1]. Это невозможно. Ты можешь рассечь другому голову, но только в нее уже не войдет ничего спасительного и важного.

Ибо возмездие за грех – смерть (Рим. 6: 23).

Следствием греха является смерть. Когда Дух Святой говорит: «*Возмездие за грех – смерть*», Он словно говорит тебе: «Посмотри, впереди на дороге яма». Он не говорит: «Смотри, ты обречен пойти по этому пути и угодить в яму». Нет. Бог – не какая-нибудь злая ведьма, которая гонится за тобой с дубиной, чтобы тебя наказать, Он не такой и не мог бы таким быть: если бы был таким, Он бы нас не интересовал, Он бы не смог быть Богом.

Эти слова апостола – предупреждение о том, что существует такой образ жизни, при котором ты вкушаешь смерть, ощущаешь вкус тления и умираешь. Сегодня у многих людей есть такое чувство и они об этом говорят, особенно нам, священникам, что ощущают вкус смерти. Так сказал мне позавчера один человек.

– Почему? – спросил я его.

– Не знаю, – говорит он. – Но я проживаю свою жизнь очень интенсивно!

Очевидно, то, что мы называем жизнью, не совсем таково, как нам хотелось бы. Существует смерть, которая переодевается в жизнь, и существует жизнь, которая выглядит как смерть, но это жизнь. Крест Христов выглядит как смерть. В то время как он – жизнь. Он – способ понести ответственность за другого, чтобы потом все остальные вечно превозносили Тебя и любили. Но сначала это выглядит как смерть, и это трудно. Трудно нести другого на руках. Трудно сказать: «Я согрешил, я ничего не понял». Если скажешь такое, это будет выглядеть как смерть, но это жизнь.

И, с другой стороны, существует такая жизнь, когда мы считаем себя выше всех. Это выглядит как жизнь, и исторически с теми, кто это сказал и применил, сначала происходил очень эффектный взрыв, но в итоге от всего остались одни руины. Это духовный закон. Или мы будем строить Духом Святым, или будем строить сами. Но в конце, как говорит святой апостол Павел, огонь испытает дело: вас бросят в огонь, и посмотрим, останется ли от вас что-нибудь. Если то, что ты сделал, – это сор, сено, говорит он, то оно сгорит, а ты спасешься как бы из огня (см.: 1 Кор. 3: 15–17). Но как ты будешь спасаться? Это похоже на то, когда в здании бушует пожар и человек пытается из него выбежать. Таким будешь и ты.

У Церкви есть путь – это путь святых, путь святого апостола Павла. Этот путь – здесь. Но апостол знает, кому говорит, он не заблуждается. Он знает, кому говорит. И это удивительно. Этот его ироничный тон лично меня вдохновляет: «Постарайся немного поработить себя праведности, потерять немного свободы, которая была у тебя раньше, чтобы посмотреть: а не будет ли так лучше?» И говорит это с иронией, потому что Бог таков. Бог говорит тонко. Бог никогда не говорит, грозя человеку пальцем, и не бьет по голове, а шлет ему мудрые предложения.

Он Сам очень мудр и обладает огромным чувством юмора. Иногда играет с человеком в хорошем смысле, как мы играем с ребенком. Вы видели, как отец играет со своим малышом?

– Би-биип!

И Бог часто делает так же. Это превосходно, потому что подает нам свободу входить с Ним в связь, чтобы Он при этом терпел наши наивные молитвы.

Мы не умеем молиться, не правда ли? А еще часто совершаем безрассудные поступки. Мы как малый ребенок, который носится, носится, носится, и отец не говорит ему ничего, мать тоже, потому что они знают, что в конце концов он прибежит к ним. Но целый день, однако, он бегает и вытворяет разные шалости. Мы следим, чтобы он не угодил в огонь, шлепаем иногда по ручкам, чтобы не перестарался. Пока не дойдет до состояния *мужа совершенного, в меру полного возраста Христова* (Еф. 4: 13).

В какой-то момент нам придется есть твердую пищу (см.: Евр. 5: 12). Это значит, что мы вырастем, а чтобы вырасти, нам надо быть свободными и совершать безрассудства.

Мы идем к духовнику и говорим каждый раз одно и то же:

– Я совершил, о чудо, в семидесятый раз то-то и то-то!

И духовник не говорит: «И тебе не стыдно? Опять то же самое!» – а читает над тобой разрешительную молитву. Это долготерпение Бога поразительней всего. Это способ, каким Он играет с человеком, как с малым ребенком, и позволяет ему совершать всякие детские озорства. *Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое* (1 Кор. 13: 11).

…а дар Божий – жизнь вечная во Христе Иисусе, Господе нашем (Рим. 6: 23).

Этот дар – не просто дар в том смысле, что он нечто такое, что начинается и кончается, имеет начало и конец, а это вечная жизнь. Бог это делает, но Он не обязан этого делать. Если бы я был Богом, то не сделал бы так, и вы, вероятно, тоже. Посмотри на это логически. Он – Сама Жизнь, Само Существование, Само Бытие, Он неизречен, неисследим, невидим, непостижим. А какое отношение имею ко всему этому я? Я и понятен, и ограничен, и тленен, на мне грехи и смерть. Разве Бог должен был давать мне вечную жизнь? Он мог бы и сказать:

– Ну, смотри, 70 прекрасных лет – этого для тебя много. Ну ладно, пускай их будет 80, 100, пуска-а-ай 150 лет для некоторых в виде исключения! Чтобы ты пожил себе всласть. Но потом – конец!

Откуда же приходит эта вечная жизнь? На каком основании мы считаем, что имеем право получить эту вечную жизнь? По какой причине? То есть Бог так наивен и мы берем у Него что захотим? Но это же эксплуатация, скажем это на языке европейских прав человека, это эксплуатация Бога. И Он плохо делает, что дает ее нам. Если бы Он спросил у меня, то я бы Ему сказал, что Он плохо делает. Но только Он меня не спрашивает. И делает нечто великое, очень великое, ибо жизнь вечная не имеет оправдания.

Давайте задумаемся: нам ее никто давать не должен, нам вообще никто ничего не должен. Никто из тех, кто любит нас, из тех, кто рядом с нами, а особенно политики, которые нас обожают и прикрываются нами, чтобы прикрыть свои ошибки, огромные ошибки и ложь, и все те вокруг, кто перед нами преклоняется, – никто не склонен к тому, чтобы что-нибудь дать нам. Ни вечной жизни, ни даже терпения, чтобы мы пожили себе пару лет в покое и имели возможность делать свое дело. Даже этого нам не дают. А тут тебе говорят: вечная жизнь!

Она и была целью Воплощения. Бог мог бы сказать:

– Дети! Грешные, безгрешные – вы побудете здесь несколько лет, а потом посмотрим!

Никаких проблем! Ни Воплощения, ни Воскресения, ни Креста, ничего!

Вникайте в это, потому что Крест – это нечто превосходное, вы нигде не найдете ничего более великого. Мы его не ждали. И это – велико. Это говорит о том, что Бог абсолютно вне наших ожиданий. Он дает нам нечто намного более великое, чем мы ожидали.

Это не имеет границ, это невозможно, мы не можем объять этого умом. Сколько бы книг по философии и социологии ни прочли, вы никогда не увидите таких даров.

– Возьми вот это, – говорит Бог человеку.

Что взять?

– Вечную жизнь. То, что есть у Меня.

И чтобы Он переложил вас в Свою сферу. Что у Него есть по сущности, у тебя будет по благодати.

Что вы об этом думаете? Вот такими категориями нам надо мыслить, и тогда человек будет приближаться к святости, сам этого не ощущая.

***

Дома поменьше учите детей, пускай они видят наши дела. Такой способ понести немощи другого и простить его – для ребенка настоящий урок. Если же сядешь и начнешь читать ему проповедь о терпении к другим, он засмеется, а ты раздосадуешься.

Или, вот, спрашиваешь себя: «Ну почему мой ребенок такой?» А ты сам какой? Как на тебя смотрит Бог? А что, если наша праведность – это лохмотья нищего пред Богом? Что мы о себе воображаем? Воображаем, будто мы нечто великое, потому что не видим Бога, о Котором говорит святой апостол Павел. А когда Его увидишь, сразу же поймешь, что ты ничто.